

РЕЧЕВАЯ МОДЕЛЬ «КОНСТРУКЦИИ С МОДАЛЬНЫМИ ЛЕКСЕМАМИ НАДО, НУЖНО, ДОЛЖЕН» КАК СПОСОБ КОСВЕННОГО ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Н. А. МИХАЛЬЧУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Доказывается, что на частоту использования в художественном тексте речевой модели косвенного выражения побуждения «конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*», а также на выбор частных побудительных значений и способов речевого оформления высказываний влияют следующие факторы: тема произведения, разновидность поэтики писателя, тип изображаемых языковых личностей, их социальная принадлежность, историческая эпоха написания произведения, обусловившая общественную систему ценностей, ситуацию в политической, культурной и экономической сферах жизни. Выявляется специфика репрезентации указанной речевой модели в русской прозе XX–XXI вв.

Ключевые слова: непрякая камуникацыя; косвенное выражение побуждения; коммуникативная интенция.

МАЎЛЕНЧАЯ МАДЭЛЬ «КАНСТРУКЦЫІ З МАДАЛЬНЫМІ ЛЕКСЕМАМІ ТРЭБА, ПАВІНЕН» ЯК СПАСАБ УСКΟΣНАГА ВЫКАЗВАННЯ ПАБУДЖЭННЯ Ў МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ

Н. А. МІХАЛЬЧУК^{1*)}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Даказваецца, што на частату выкарыстання ў мастацкім тэксце маўленчай мадэлі ўскоснага выказвання пабуджэння «канструкцыі з лексемамі *трэба, павінен*», а таксама на выбар прыватных пабуджалых значэнняў і спосабаў маўленчага афармлення выказванняў уплываюць наступныя фактары: тэма твора, разнавіднасць паэтыкі пісьменніка, тып моўных асоб, якія адлюстроўваюцца, іх сацыяльная прыналежнасць, гістарычная эпоха напісання твора, якая абумовіла грамадскую сістэму каштоўнасцей, сітуацыю ў палітычнай, культурнай і эканамічнай сферах жыцця. Выяўляецца спецыфіка рэпрэзентацыі названай маўленчай мадэлі ў рускай прозе XX–XXI стст.

Ключавыя словы: непрамая камунікацыя; ускоснае выказванне пабуджэння; камунікатыўная інтэнцыя.

Образец цитирования:

Михальчук НА. Речевая модель «конструкции с модальными лексемами *надо, нужно, должен*» как способ косвенного выражения побуждения в художественном тексте. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025; 3:53–64.
EDN: NEJDBB

For citation:

Mikhalchuk NA. Speech model «constructions with modal lexemes *need, must*» as a way of indirect expression of motivation in literary text. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;3:53–64. Russian.
EDN: NEJDBB

Автор:

Наталья Александровна Михальчук – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Natalia A. Mikhalchuk, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology.
n-mihalchuk@list.ru

SPEECH MODEL «CONSTRUCTIONS WITH MODAL LEXEMES NEED, MUST» AS A WAY OF INDIRECT EXPRESSION OF MOTIVATION IN LITERARY TEXT

N. A. MIKHALCHUK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. It is demonstrated that the frequency of use the speech model of indirect expression of motivation «constructions with lexemes *need, must*» in literary text, as well as the choice of specific incentive meanings and methods of speech formulation are influenced by the following factors: the theme of the text, the writer's poetics, the type of depicted linguistic personalities, their social affiliation, the historical era of writing the work, which determined the social system of values, the situation in the political, cultural and economic spheres of life. The specific representation of this speech model in Russian prose of the 20th and 21st centuries is revealed.

Keywords: indirect communication; indirect expression of motivation; communicative intention.

Введение

Вслед за В. В. Дементьевым мы определяем непрямую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [1, с. 5]. В качестве разновидности не прямой коммуникации ученые выделяют косвенные речевые акты. К ним относятся «случаи, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции» [2, с. 107–108]. Таким образом, дифференциальным признаком, позволяющим фиксировать косвенность, будем считать потенциал употребления речевого акта с двумя иллокутивными функциями – сообщением и побуждением.

Побуждение представляет собой частотную и показательную интенцию в структуре диалога. По мнению Н. И. Формановской, побудительность выступает одним из «целеполаганий говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [3, с. 188]. Намерение побуждения может быть репрезентировано при помощи различных речевых моделей. Под речевой моделью понимается типизированный, общепринятый в определенном лингвокультурном сообществе способ семантико-грамматического выражения прагматического значения. Следует подчеркнуть, что речевая модель косвенного выражения побуждения «конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*» в виде повествовательного предложения до сих пор являлась объектом изучения в единичных научных работах.

В первую очередь необходимо отметить статьи Н. А. Печниковой, в которых анализируемый способ репрезентации побуждения характеризуется наряду с другими способами. В частности, автор обращает внимание на большую действенность данных высказываний по сравнению с параллельными императивными речевыми актами, объясняя ее наличием компонента убеждения, а также акцентированием в этих речевых формах общественной значимости действия [4; 5]. Сопоставительное исследование русского и английского стилей коммуникации, проведенное Т. В. Лариной, показывает факт высокой употребительности конструкций с лексемами модальной оценки *надо, нужно, должен* в значении побуждения в русском обиходно-бытовом общении при категоричности, импозитивности этого способа выражения интенции [6]. Примечательно, что в трудах Н. И. Формановской [3], Ц. Саранцацрал¹ и В. Е. Иосифовой², в которых дается подробное описание способов непрямого выражения побуждения в русском языке, речевая модель «конструкции с модальными средствами со значением необходимости и долженствования» не называется среди других моделей и не описывается.

Результаты настоящего исследования показывают исключительную важность речевой модели «конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*» для русской художественной прозы XX–XXI вв.: указанный способ репрезентации побуждения является самым частотным среди косвенных реализаций намерения в виде высказываний с иллокутивной функцией сообщения, будучи представленным в диалогическом общении персонажей перечнем речевых воплощений частных побудительных значений. В таких высказыва-

¹Саранцацрал Ц. Способы выражения побуждения в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 1987. 26 с.

²Иосифова В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. М., 2011. 33 с.

ниях говорящий выражает свое мнение, дает оценку предполагаемому действию (необходимость или долженствование его совершения адресатом), однако коммуникативной целью является не собственно оценка, а последующее выполнение (невыполнение) действия собеседником. Лексемы *надо*, *нужно*, *должен* выражают категоричность оценки говорящего и, следовательно, категоричность побуждения. Данную речевую модель мы определяем как некооперативную, подразумевая, что она не нацелена на создание успешного бесконфликтного взаимодействия между коммуникантами.

В частном дискурсе при условии обращения старшего собеседника к младшему (по возрасту или статусу) или в случае наличия близких и доверительных отношений между коммуникантами косвенные речевые акты, порождаемые в соответствии с анализируемой моделью, могут не вызывать нарушения кооперации в общении. В качестве примера приведем реплику из разговора супругов:

– *Завтра поторопливаться надо*, – Василий поднимается. – *Ненастье будет*³ (Распутин, с. 197) ('поторопись'; предложение).

Если же указанные выше условия не соблюдаются, то высказывание может иметь своим следствием диссонанс в коммуникации, отказ от общения:

К нам подошла незнакомая девушка, по виду молдаванка, приехала на заработки. Услышала русскую речь и захотела поговорить на русском языке. Соскучилась.

– *Вы очень хорошо одеты*, – сказала она Сонечке.

– *А вам надо купить кардиган.*

– *У меня есть*, – сухо ответила я. А про себя подумала: «Тоже мне... ложкой. Будет советы давать...» (Токарева, с. 372) ('купите'; совет).

В художественном тексте благодаря интерпретационной поддержке в виде авторских комментариев, а также с учетом контекста и параметров ситуации получаем возможность определить интенцию в высказываниях с лексемами модальной оценки *надо*, *нужно*, *должен*, в качестве которой могут выступать как требование или приказ, так и просьба, совет, предложение, поучение, наставление. Авторские ремарки во многих случаях прямо или косвенно указывают на намерение говорящего и помогают интерпретатору:

– *Мне надо с тобой поговорить*, – *тихо ответила она, но голос ее звучал повелительно* (Вигдорова-2, с. 243) ('давай поговорим'; требование).

– *Тебе надо отдохнуть*, – *посоветовала Лара* (Токарева, с. 202) ('отдохни'; совет).

В диалоге художественного текста, как и в бытовом диалоге, структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики высказываний находятся в зависимости от следующих факторов: цели общения, темы, ситуации, степени ее официальности, языковых личностей говорящего и адресата [7, с. 430]. На наш взгляд, в художественном дискурсе к ним добавляются такие факторы, как тема литературного произведения, тип его поэтики, идейная проблематика, языковая личность автора и связанный с ней фактор идиостиля, время создания произведения (исторический опыт народа в рамках конкретной эпохи), ситуация в социально-политической и общественно-культурной жизни, система ценностей, мировоззрение в социуме. На выбор речевых форм влияют языковая личность персонажа (куртуазная, рационально-эвристическая, инвективная языковая личность⁴) и его принадлежность к социальной группе (интеллигенция, крестьяне, рабочие). Предполагаем, что комплекс данных причин существенно воздействует на частоту употребления анализируемой речевой модели косвенных высказываний в ту или иную эпоху, а также на предпочтение типов частных побудительных значений, способов языкового и коммуникативного оформления речевых актов.

В художественном тексте косвенные реализации намерений являются отражением истории и культуры времени. Для глубокого анализа не прямых высказываний в художественном дискурсе должна привлекаться экстралингвистическая информация, а именно необходимо учитывать особенности эпохи, в которую был написан текст, с ее ценностными приоритетами, социально-экономическими, политическими и культурными характеристиками.

Цель данной работы – выявление характерных черт косвенной реализации побуждения в форме речевой модели «конструкции с модальными лексемами *надо*, *нужно*, *должен*» в частном дискурсе в русской прозе XX–XXI вв., а также определение факторов, влияющих на частотность модели, выбор интенций и способов речевого оформления высказываний. Настоящее исследование проводится в русле коммуникативной лингвистики, в аспекте антропоцентрической научной парадигмы, на границе семантической и прагмалингвистической проблематики.

³Здесь и далее полужирный курсив в цитатах наш. – Н. М.

⁴Седов К. Ф. Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека : учеб. пособие. М. : Лабиринт, 2008. 318 с.

Материалы и методы исследования

В качестве материала для анализа были выбраны произведения русских писателей XX–XXI вв.: И. А. Бунина, А. И. Куприна, И. С. Шмелева, В. В. Вересаева, М. Горького, В. В. Набокова, М. А. Булгакова, Б. К. Зайцева, А. С. Грина, А. А. Фадеева, Н. А. Островского, К. А. Федина, М. А. Шолохова, Ф. А. Абрамова, В. Г. Распутина, В. Ф. Тендрякова, Ю. В. Трифонова, Ф. А. Вигдоровой, В. С. Маканина, С. Д. Довлатова, А. Г. Битова, Ю. М. Полякова, А. Н. Варламова, З. Прилепина, В. С. Токаревой. Фактический материал был исследован в рамках 1900–10-х гг., 1920-х гг., 1930–40-х гг., 1950–70-х гг., 1980–90-х гг., 2000–2025 гг. Основой для выделения данных временных промежутков послужила периодизация русской литературы в учебнике «История русской литературы XX века» под общей редакцией В. В. Агеносова⁵.

Анализу подлежала группа косвенных речевых актов со значением побуждения, репрезентированных речевой моделью «конструкции с модальными лексемами *надо*, *нужно*, *должен*» (общее число высказываний – 897). Изучение косвенных речевых актов проводилось в контексте диалога и нарративном контексте, представляющем реплику в диалоге. Высказывания отбирались методом сплошной выборки. Также при исследовании использовались методы контекстуального анализа, анализа и синтеза, а также количественный, компаративный и филологический методы (семантико-стилистический анализ).

Результаты и их обсуждение

Проанализируем косвенные речевые акты с обобщенным значением побуждения, оформленные в виде речевой модели «конструкции с лексемами модальной оценки *надо*, *нужно*, *должен*», в русской художественной прозе, акцентируя внимание на специфике данных высказываний в различные периоды XX–XXI вв.

Проза 1900–10-х гг. В русской прозе 1900–10-х гг. удельный вес конструкций с модальными лексемами *надо*, *нужно*, *должен* в значении побуждения в числе не прямых побуждений составляет 23 % (129 единиц). В литературе этого периода высказывания с модальными средствами, выражающими необходимость и долженствование, актуализированы при реализации темы воспитания младшего поколения старшим (М. Горький, И. С. Шмелев), темы бытовых и семейно-бытовых, приятельских отношений (М. Горький, И. С. Шмелев, В. В. Вересаев, И. А. Бунин, А. И. Куприн) и темы любовных отношений (И. А. Бунин, А. И. Куприн).

Тема воспитания является определяющей для воплощения интенции поучения. Как отмечает О. В. Хорохордина, особенность интенции поучения – передача духовного опыта говорящим, душевная близость между коммуникантами [8, с. 535]. Поучения могут быть обращены не только к ребенку, но и к взрослым. В повестях и рассказах М. Горького насчитывается 25 косвенных речевых актов с данным значением:

Пошли домой, и дорогой она ласково говорила:

– *Все надо самому испытать, голуба душа, все надо самому знать... Сам не научишься – никто не научит...* (Горький, с. 201) ('испытай, узнай'; поучение).

При оформлении темы семейно-бытовых и приятельских отношений используются косвенные реализации совета, предложения, требования, реже просьбы. Так, в прозе А. И. Куприна регулярно отмечается интенция предложения, в произведениях И. С. Шмелева – интенция требования, в творчестве И. А. Бунина – интенция совета:

– *Нет, нет, браслет надо непременно отослать обратно!* – воскликнул Василий Львович (Куприн, с. 196) ('давайте отошлем'; предложение).

Потом отдыхался и опять:

– *Груб он и дерзок! Не внушают ему дома! Надо обязательно внушать и следить!..* (Шмелев, с. 81) ('внушайте, следите'; требование).

А Тихон Ильич решил да и докончил:

– *Да и жениться пора. <...> Только, брат, имей в виду, – жениться надо с умом* (Бунин-2, с. 47) ('женись'; совет).

Диссонанс в любовной сфере находит отражение в косвенной вербализации интенций требования и запрещения:

– *Разойтись нам надо*, – ответила я (Бунин-1, с. 308) ('давай разойдемся'; требование).

– *<...> Ты меня завлекла, приучила к себе. Ты должна подождать – я помру скоро. А уйдешь – я удавлюсь* (Бунин-2, с. 189) ('подожди, не уходи'; требование).

⁵История русской литературы XX века : учеб. для академ. бакалавриата : в 2 ч. Ч. 1 / В. В. Агеносов [и др.] ; под общ. ред. В. В. Агеносова. М. : Юрайт, 2015. 795 с.

– *Милый, милый, не надо!..* – она взяла обе его руки и крепко сжимала их, глядя прямо ему в глаза (Куприн, с. 142) ('не делай этого'; запрещение).

На выбор типа коммуникативных интенций влияет такой фактор, как разновидность поэтики литературного произведения, предполагающая эксплицитность или имплицитность в выражении идейного, философского содержания в диалогах. В зависимости от этого могут быть выбраны интенции, побуждающие к физическим и ментальным действиям (совет, предложение, наставление и т. д.) или только к ментальным действиям (поучение, утешение, наказ).

В ряде произведений идейное содержание выражается преимущественно в подтексте (имплицитно) или авторском повествовании, а диалоги носят бытовой характер. Данное обстоятельство обуславливает частотность побуждений к физическим действиям. В русской прозе 1900–10-х гг. такой тип поэтики свойствен текстам И. С. Шмелева и И. А. Бунина:

А Луша все пристаёт:

– *Домик обязательно надо...* (Шмелев, с. 91) ('купи'; просьба).

– *Корней, – говорю я, как только Корней показывается, с лошадьми из-под горы, – надо ехать!* (Бунин-1, с. 267) ('давай поедem'; требование).

Если говорящий делится с адресатом своими бытовыми умениями и навыками, дает практические советы, то такое намерение мы, вслед за О. В. Хорохординой, называем наставлением. В отличие от поучения, в основе которого лежит передача духовного опыта [8], наставление способствует организации бытового диалога:

– *Это что? Это разве рубка?* – говорил он с напускным пренебрежением. – *<...> Надо, дети мои, постоянно упражняться* (Куприн, с. 14) ('упражняйтесь'; наставление).

Возможен и другой вариант – выражение основополагающих идей в диалогах. В таком случае писатель стремится к реализации тех не указанных выше речевых намерений, которые побуждают адресатов к выполнению ментальных действий. Конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*, употребляемые в директивном значении в диалогах персонажей, – удобная форма для авторского выражения ключевых идей произведения. Данная разновидность поэтики характерна для текстов М. Горького, В. В. Вересаева и А. И. Куприна:

...жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел... (Горький, с. 252) ('жалей'; поучение).

– *Терпеть надо, Олеша!*

Это – все, что она могла сказать мне в ответ... (Горький, с. 376) ('терпи'; наказ).

– *Нужно быть только добросовестным работником, не смотреть на жизнь свысока, не презирать ее! Не презирать чужой души, не презирать чужой логики!* (Вересаев, с. 133) ('стань таким'; поучение).

– *Хлебников, тебе плохо? И мне нехорошо, голубчик, мне тоже нехорошо, поверь мне. Я ничего не понимаю из того, что делается на свете. Все – какая-то дикая, бессмысленная, жестокая чепуха! Но надо терпеть, мой милый, надо терпеть...* (Куприн, с. 196) ('терпи'; утешение).

В большинстве случаев анализируемая модель используется в кооперативных контекстах, что наблюдается в прозе М. Горького, В. В. Вересаева, И. А. Бунина и частично в произведениях И. С. Шмелева и А. И. Куприна. Дополнительно могут быть актуализированы средства митигации, которые отмечаются главным образом в прозе М. Горького, А. И. Куприна и И. А. Бунина. Наличие этих средств обусловлено куртуазным, кооперативным типом языковой личности, темой произведения и речевой ситуацией. Наиболее частотными являются следующие способы выражения митигации:

- включение в авторские ремарки характеристик невербальных средств, смягчающих реализации интенций. Ср.:

Посадил на колени и, уткнувшись теплой, мягкой бородой в щеку мне, занятно рассказал:

– *Дядя твой жену насмерть забил, замучил, а теперь его совесть дергает, – понял? Тебе все надо понимать, гляди, а то пропадешь!* (Горький, с. 33);

- употребление конструкций с предикативом *надо* в сослагательном наклонении. Ср.:

Почти каждый день говорили:

– *Надо бы его в больницу свезти!* (Горький, с. 368).

– *Про деревню бы надо, про народ,* – сказал Кузьма (Бунин-2, с. 56).

Проза 1920-х гг. В русской прозе 1920-х гг. доля высказываний со средствами выражения модальности *надо, нужно, должен* в числе не прямых побуждений составляет 9 % (72 единицы), что свидетельствует об уменьшении использования исследуемых речевых форм в данный отрезок времени по сравнению с предыдущим периодом. Этот факт можно объяснить выбором для анализа произведений, в которых персонажами являются представители интеллигенции, чей дискурс, как правило, характеризуется наличием кооперативных способов речевого воздействия. Рассматриваемый тип речевых конструкций не соответствует общему прагматическому фону литературных произведений.

Как и в прозе 1900–10-х гг., в текстах 1920-х гг. преобладают некатегоричные интенции. Некатегоричность избираемых интенций обуславливается принадлежностью персонажей к куртуазному (А. С. Грин, Б. К. Зайцев) либо рационально-эвристическому (В. В. Набоков, М. А. Булгаков) типу языковой личности⁶, для дискурсов которых характерна коммуникативная модель избегания конфликтов. Так, в прозе В. В. Набокова употребительными интенциями являются совет и предложение, Б. К. Зайцев же предпочитает интенцию совета, а А. С. Грин – интенцию предложения:

– *Вам надо выспаться, Алексей Иванович* (Набоков-1, с. 108) ('выспитесь'; совет).

«Все равно, – сказал Курт. – Его тоже надо отвезти» (Набоков-2, с. 84) ('давай отвезем'; предложение).

К концу июля он собрался. На прощание говорил мне:

– *Вы зимой должны серьезнее заняться пением* (Зайцев, с. 395) ('займитесь'; совет).

– *Вот и дерево, вот мы и пришли к нему. Только это надо сделать, когда стемнеет* (Грин, с. 62) ('давай сделаем'; предложение).

Отдельного рассмотрения требует творчество М. А. Булгакова – автора исторически достоверной прозы о противоречивости 1920-х гг. в России, непосредственного свидетеля социально-политических преобразований, происходивших в эту эпоху. В диалогах из его произведений отражаются категоричные интенции требования и запрета, косвенные реализации которых участвуют в речевом воплощении темы противостояния между социальными классами: представителями «уходящей» России, дворянством и пролетариатом, занявшим после 1917 г. ключевые позиции в обществе. Приведем пример, в котором интенция требования актуализируется не только за счет употребления предикатива *нужно*, но и за счет коммуникативного контекста и авторских комментариев (*перекричал, гремел*):

– *Вы стоите на самой низшей ступени развития, – перекричал Филипп Филиппович...*

<...>

– *Ну, вот-с, – гремел Филипп Филиппович, – зарубите себе на носу... что вам нужно молчать и слушать, что вам говорят. Учиться и стараться стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом социального общества* (Булгаков, с. 314) ('молчите, слушайте, учитесь, старайтесь'; требование).

Примечательна отчасти парадоксальная прагматика романа В. В. Набокова «Защита Лужина»: при философском содержании в тексте произведения присутствует речевая коммуникация исключительно бытового характера. Соответственно, исследуемая разновидность конструкций в романе выражает побуждение только к физическим действиям, притом что ключевые авторские идеи содержатся в подтексте:

...господин не дал ему додуматься и ласково сказал: «Вы должны лежать тихо. Отдыхайте. Побольше спите» (Набоков-2, с. 93) ('лежите'; требование).

«Когда можно взять короля, это называется шах; когда ему некуда сунуться, это – мат. Ты должен, значит, взять моего короля, а я твоего» (Набоков-2, с. 23) ('возьми'; наставление старшего младшему).

«Но одно нужно сделать непременно, – сказала она решительно. – Мы должны поехать на кладбище...» (Набоков-2, с. 120) ('давай поедем'; предложение).

Проза 1930–40-х гг. В русской прозе 1930–40-х гг. выявлено увеличение объема косвенных реализаций интенции побуждения, оформленных в виде конструкций с модальными лексемами *надо, нужно, должен*, по сравнению с предыдущими периодами: удельный вес данных речевых форм в числе не прямых побуждений составляет 32 % (226 единиц). Названная тенденция связана с особенностями общественной системы ценностей, которая предполагает приоритет общественного над личным, важность гражданского долга, высокую значимость индивидуальной ответственности за судьбу страны и народа. Внимание человека сконцентрировано на своем и чужом долге, а не на правах. Вследствие этого формируется специфический коммуникативный стиль эпохи: языковая личность высказывается не о своих желаниях и возможностях, не о том, что было бы желательно выполнить адресату и что он может сделать,

⁶Седов К. Ф. Онтопсихолингвистика... 318 с.

а преимущественно о том, что должны воплотить в жизнь он сам и слушающий, что им необходимо осуществить. Для языковой личности 1930–40-х гг. характерны сухость, категоричность, импозитивность реплик, что соответствует ключевым установкам человека на следование долгу и побуждение к этому других, а также на защиту Родины, подчинение вышестоящим, тщательное выполнение работы и требование ответственности от адресатов коммуникации.

В русской прозе 1930-х гг. воплощается тема социально-экономических преобразований в деревне (М. А. Шолохов), наблюдается возвращение к теме Гражданской войны (Н. А. Островский). В 1940-х гг. основополагающими элементами в литературном процессе являются отражение и осмысление событий Великой Отечественной войны (А. А. Фадеев). В прозе К. А. Федина 1940-х гг. на первый план выходят тема семейно-бытовых отношений («Первые радости», «Необыкновенное лето») и тема взаимоотношений в сфере медицины («Санаторий Арктур»).

Тематический диапазон и идейная проблематика произведений обуславливают преобладание императивной интенции требования в диалогах персонажей произведений (62 единицы):

– <...> **Ты должен руководить, а не за плугом ходить!** Ты – председатель колхоза... (Шолохов, с. 275) ('руководи'; требование).

– **К немцам не надо применяться, надо заставить их применяться к нам.** – Олег едва сдерживал себя и избегал смотреть на Стаховича (Фадеев, с. 349) ('не применяйтесь'; требование).

Также частотной интенцией является категоричное предложение (50 единиц). Оно отражает стремление личности к совместному осуществлению действий и единению с людьми, такое мировоззрение, при котором коллектив более важен, чем отдельный человек, ведь только вместе с другими можно победить врага или внедрить новую политику коллективизации:

– **Бабочки! Тетушки!** <...> **Сеять надо, а не митинговать** (Шолохов, с. 248) ('давайте будем сеять'; категоричное предложение).

– **Нам, девушкам, надо освободить своих мальчишек,** – твердо сказала она (Фадеев, с. 628) ('давайте освободим'; категоричное предложение).

В рассматриваемый период снижается роль просьбы в коммуникативной структуре текста. Например, в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» не было выявлено ни одного примера осуществления просьбы в виде конструкций с модальными лексемами *надо, нужно, должен*.

В русской прозе 1930–40-х гг. актуализируются побудительные высказывания, в которых опущены как личные местоимения, так и обращения, называющие адресата: удельный вес подобных речевых форм в числе косвенных побуждений, выявленных в анализируемый период, составляет 68 %. Отсутствие указания на адресата свидетельствует о снижении значимости личностного начала в коммуникации:

– <...> **Надо бросать по старинке ходить за скотом!** Подо все мы должны подвести научную основу (Шолохов, с. 166) ('бросайте'; требование).

Для литературы описываемого периода характерно не снижение, а усиление категоричности высказываний. Назовем основные используемые способы повышения категоричности косвенных реализаций интенций:

- частотное употребление восклицательных предложений. Ср.:

– <...> Ты успокойся, и пойдем на собрание. **Надо здорово агитнуть против убоя!** (Шолохов, с. 127) ('давай агитировать'; предложение).

– <...> **Надо баню сделать для колхоза, вот это да!** Устроим, факт! (Шолохов, с. 123) ('давай сделаем'; предложение).

– **Тебе надо бежать,** – сказала Уля, – **да, да, бежать!** (Фадеев, с. 332) ('беги'; категоричный совет);

- актуализация лексических повторов. Ср.:

– **Вот что надо использовать!** – сказал он, остановившись против Любки, и снова зашагал из угла в угол. – **Это все, все надо объяснить народу,** чтобы он не боялся их и научился их обманывать. **Народ надо организовать,** – он сам даст из себя силы... <...> **Надо идти на шахты...** (Фадеев, с. 399) ('используйте, объясните, организуйте, идите'; призыв).

В русской прозе 1930–40-х гг. отмечаются побуждения как к физическим, так и к ментальным действиям, что свидетельствует об органическом единстве физической и ментальной сфер у личности в ситуации исполнения гражданского долга. Например, в романе А. А. Фадеева «Молодая гвардия» наряду

с побуждениями, основанными на передаче духовного опыта, регулярно используются директивные речевые акты, относящиеся к области физических действий:

– *И я тоже так думаю, – сказал Анатолий. – Надо делать то, что проще и ближе всего ведет к цели* (Фадеев, с. 394) ('делайте'; поучение).

– <...> *Тебе надо немедленно спрятаться... Они могут вот-вот хлынуть на нашу улицу!* (Фадеев, с. 156) ('спрячься'; требование).

В прозе Н. А. Островского 1930-х гг. наблюдается увеличение числа конфликтных речевых актов с модальными лексемами *надо, нужно, должен*. Данное обстоятельство обусловливается темой военных событий, экстраординарными ситуациями в общественной жизни и типами языковых личностей героев:

Булгаков неодобрительно посмотрел на него:

– *Драться надо с толком, Ермаченко* (Островский, с. 26) ('дерись с толком'; поучение с оттенком неодобрения).

В творчестве К. А. Федина 1940-х гг. прослеживается тенденция к смягчению коммуникативных интенций, что объясняется принадлежностью персонажей к кооперативному типу языковой личности и темой произведений. К одному из основных способов выражения митигации в его прозе относится синонимическая замена модальных лексем со значением необходимости и долженствования:

– *Вам предоставляется обдумать и решить* (Федин, с. 51).

– *Артуру придется расстаться с Вами, мадам* (Федин, с. 75).

– *...но сейчас вам следовало бы лежать на балконе* (Федин, с. 82).

Проза 1950–70-х гг. В русской прозе 1950–70-х гг. доля высказываний со значением необходимости и долженствования, используемых в значении побуждения, в числе не прямых конструкций составляет 16 % (195 единиц). В литературе данной эпохи формируются такие основные направления, как деревенская проза и городская проза. Каждое из этих направлений характеризуется тематической и коммуникативной общностью.

В центре внимания авторов деревенской прозы находятся тема организации сельского хозяйства и тема дружеских, соседских и семейных отношений (Ф. А. Абрамов, В. Г. Распутин), что определило частое использование побудительных интенций предложения и совета, репрезентированных конструкциями с лексемами *надо, нужно, должен*. Предложение было актуализировано в литературе 1930–40-х гг., и оно по-прежнему является значимым в прозе 1950–70-х гг. Что касается роли совета, то она увеличилась. Частотность употребления конструкций с интенцией требования, отмеченная в предыдущую эпоху, снизилась.

Предпочтение интенции предложения (42 единицы у Ф. А. Абрамова и В. Г. Распутина) объясняется коллективистским мироощущением, нацеленностью личности на совместную деятельность:

Лукашин первый пришел в себя:

– *Товарищи, горячку в таком деле пороть нельзя. Надо все взвесить, с райкомом посоветоваться* (Абрамов, с. 47) ('давайте взвесим, посоветуемся'; предложение).

– *Надо выручать из беды мужика. Согласна?* (Абрамов, с. 227) ('давай будем выручать'; предложение).

– <...> *Пока в магазине белая есть, надо, однако, взять. А то если завтра деньги привезут, ее всю перетачат* (Распутин, с. 441) ('давай сделаем'; предложение).

Выраженность совета (20 единиц у Ф. А. Абрамова и В. Г. Распутина) связывается с важностью для личности участия в жизни другого, взаимоподдержки как среди членов семьи, так и среди жителей деревни. Приведем фрагмент разговора соседей из произведения «Братья и сестры» Ф. А. Абрамова, лейтмотивом которого является единство жителей села в послевоенные годы:

И Настя, с трудом узнавая себя, примирительно сказала:

– *Чего уж теперь... О ребенке думать надо...* (Абрамов, с. 144) ('думай о ребенке'; совет).

Требование, репрезентированное конструкциями с модальными словами *надо, нужно, должен*, обнаруживается всего в 9 примерах, что свидетельствует о снижении категоричности коммуникации в литературе 1950–70-х гг. по сравнению с прозой 1930–40-х гг.:

Лукашин недобрым голосом закричал:

– *Есть у нас первая заповедь – знаете? Ну и баста! Выполнять надо...* (Абрамов, с. 506) ('выполняй'; требование).

Преимущественная проявленность побуждений к ментальным действиям в прозе Ф. А. Абрамова и к физическим действиям в творчестве В. Г. Распутина объясняется особенностями идиостилей писателей.

В рамках городской прозы (Ю. В. Трифонов, Ф. А. Вигдорова, В. Ф. Тендряков) при репрезентации побуждения посредством конструкций с предикатами *надо*, *нужно*, *должен* писатели обращаются к теме взаимоотношений между представителями одной профессии (в редакции, школе, университете, больнице) и теме семейно-бытовых отношений. В этих текстах отмечается усиление роли интенции просьбы, что объясняется тенденцией к вежливому общению в речи городской интеллигенции (18 единиц). Так, в прозе Ю. В. Трифонова и Ф. А. Вигдоровой данное намерение является самым частотным:

Ольга Анисимовна, наклонясь к матери, сказала жалобно:

– *Мамочка, без тебя нельзя! Эшелон предназначен для старых большевиков и политкаторжан. Если тебя не будет, нас никто не возьмет. Я не возражаю, но ты должна понять...* (Трифонов, с. 220) ('пойми'; просьба).

– *Митя, пожалуйста... <...> Не надо говорить так много... Я не могу слышать того, что ты говоришь...* (Вигдорова-1, с. 273) ('не говори'; просьба).

В произведениях В. Ф. Тендрякова осмысление драматических ситуаций в частной жизни на фоне общественно-политических событий определяет выбор интенции требования как основной. В качестве примера приведем фрагмент из диалога юноши и его подруги, которую он просит отказаться от отца – врага советской власти:

Таня слушала меня и не возражала, сидела с опущенной головой:

– *Таня, ты должна выступить!* (Тендряков, с. 376) (' выступи'; требование).

В городской прозе, в отличие от деревенской прозы, наблюдается более заметное стремление к смягчению реализации интенций. В целом в прозе 1950–70-х гг. по сравнению с литературным творчеством 1930–40-х гг. усиливается роль средств выражения митигации, что объясняется наступлением мирного времени, стабилизацией общественно-политической жизни и социально-экономических преобразований в деревне, которые были начаты в 1930-х гг. и нашли отражение в конфликтной и категоричной коммуникации. Категоричность репрезентации речевой модели в прозе 1950–70-х гг. может снижаться с помощью следующих способов:

- обоснования побуждения. Ср.:

– *Что ж, Фомич, надо, – подал голос Женька. – Если хоть какое-то зерно не домолочено, то оставлять его гнить – преступление по теперешнему времени* (Тендряков, с. 469) ('домолотите все'; требование);

- включения юмористического высказывания в макроречевой акт побуждения. Ср.:

Сусанна предостерегающе вскинула раскрытую ладонь:

– *О делах не надо! За деловые разговоры штраф. Антипов, почему ты такой деловой?* (Трифонов, с. 257) ('не говори'; запрет);

- отражения вежливости и доброжелательности говорящего посредством невербальной коммуникации в авторских ремарках. Ср.:

Но затем Жерехов вдруг воскликнул, и его голубые старческие глаза от прилива любезности расширились:

– *Да! Вот с кем вам надо – с Невядомским!* (Трифонов, с. 23) ('пообщайтесь с ним'; совет);

- использования диминутивов в качестве обращений. Ср.:

– *Сашенька, – услышала она Митин голос, – право же, не надо так огорчаться* (Вигдорова-1, с. 300) ('не огорчайся'; просьба);

- подчеркивания бенефактивности речевого действия, осознаваемой всеми участниками диалога. Ср.:

Валя сказала строго:

– *Вам надо лежать. Нижнее девяносто пять – это много* (Трифонов, с. 111) ('лежите'; требование).

Проза 1980–90-х гг. В прозе 1980–90-х гг. удельный вес побуждений, выраженных посредством высказываний с модальными лексемами *надо*, *нужно*, *должен*, в числе не прямых директивных речевых актов составляет 16 % (98 единиц). Основными темами, при раскрытии которых используются данные единицы, являются тема семейно-бытовых, дружеских и любовных отношений (В. С. Маканин, С. Д. Довлатов, А. Г. Битов), тема отношений между коллегами (В. С. Маканин, С. Д. Довлатов) и тема криминальной деятельности (В. С. Маканин, С. Д. Довлатов).

Общая тенденция к демократизации речевого общения, коммуникативной раскованности в 1980–90-х гг., сформировавшаяся в результате смены политического режима в стране, установления демократической формы правления, является причиной возникновения перечня частотных интенций в прозе данного периода (без явного преобладания одного значения). Коммуникативная свобода выражается в отсутствии доминантных прагматических значений. То или иное речевое намерение осуществляется в контексте прежде всего в зависимости от темы текста, описываемых типов языковых личностей и речевой ситуации.

Как показывает анализ фактического материала, в произведениях актуализируются интенции предложения (28 единиц), просьбы (24 единицы), требования (23 единицы), совета (16 единиц) и наставления (5 единиц):

Он говорил:

– *Нас мало. Мы разобщены и одиноки. Мы должны объединиться на почве русской культуры* (Довлатов, с. 71) ('давайте объединимся'; предложение).

– *За телефон бы надо уплатить*, – сказала Маруся (Довлатов, с. 121) ('уплати'; просьба).

– *Напою, напою...* – *Аглая Андреевна улыбается.* – *Но знаете ли, мой чай надо ценить* (Маканин-3, с. 55) ('цените'; шутливое требование).

– *Пошли, пошли. Ты с дороги. Тебе надо принять душ* (Битов, с. 415) ('прими'; совет).

И учит меня самоварной мудрости:

– *Чай надо заваривать в белом кипятке. Ты не знал?* (Маканин-1, с. 27) ('заваривай'; наставление).

Следует отметить факт стремления языковых личностей к использованию средств выражения митигации, что связано с ключевой ролью интеллигенции в литературе и обществе. Регулярно отмечаемыми способами смягчения речевых воплощений побуждения являются употребление конструкций с предикативом *надо* в сослагательном наклонении и указание на смягчение вербализации намерений в авторских комментариях:

– *Стаканы надо бы вернуть*, – говорю (Довлатов, с. 364).

– *Надо, надо зайти. На пятом этаже. Иначе они обидятся, Веня!* – *смеюсь я* (Маканин-2, с. 103).

Проза 2000–2025 гг. В русской прозе XXI в. доля косвенных реализаций интенции побуждения в форме высказываний с предикативами со значением необходимости и долженствования в числе прямых побуждений составляет 18 % (177 единиц). Речевые акты обнаруживаются при отражении широкого перечня тем. Основными темами являются тема взаимодействия творческих личностей (Ю. М. Поляков), тема частных взаимоотношений, обусловленных противоречиями эпохи (А. Н. Варламов), тема семейно-бытовых (В. С. Токарева, З. Прилепин, Ю. М. Поляков) и приятельских (З. Прилепин, Ю. М. Поляков) отношений и тема любовных контактов (В. С. Токарева, Ю. М. Поляков, З. Прилепин, А. Н. Варламов).

В качестве общей особенности репрезентации речевой модели в творчестве писателей исследуемого периода необходимо отметить снижение роли средств выражения митигации. Наличие этой черты объясняется демократизацией речевого общения и тенденцией к огрублению речи [9].

Выделяются интенции, отличающиеся высокой степенью индивидуализации. В творчестве Ю. М. Полякова частотна интенция предложения. Данный факт связан с темой произведений и демократичностью, паритетностью контактов в творческой среде:

– *Понимаете, Андрей Львович, чтобы написать приличный сценарий, нам надо сойтись поближе* (Поляков, с. 147) ('давайте сойдемся'; предложение).

В прозе А. Н. Варламова преобладают значения директивного отказа и запрета. Частотность употреблений конструкций с такой семантикой определяется сложностью описываемых коллизий межличностных отношений, в которых частное объединяется с общественным, историческим:

– *Не надо нам от вас никакой помощи, не надо ни вашей поддержки, ни вашей солидарности, не надо признаний в любви, ничего нам от вас не надо*, – сказала она, и слова ее таким ужасным диссонансом прозвучали в этой милой студии на Новом Арбате, где собрались все свои (Варламов, с. 440) ('не помогайте'; отказ).

Интенция совета преобладает в рассказах З. Прилепина, отражающих межличностные контакты в XXI в., и прозе В. С. Токаревой, посвященной семейной и любовной темам:

– *За своих надо заступаться!* – посоветовал ему Грех, наклонив над упавшим свое туловище... (Прилепин, с. 56) ('заступайся'; совет).

– *Люся*, – обратилась она ко мне. – *Надо взять себя в руки* (Токарева, с. 771) ('возьми себя в руки'; совет).

В прозе ХХI в. отмечается увеличение числа конфликтных речевых высказываний, контекстов, имеющих диссонанс в диалогах либо находящихся на грани унисона – диссонанса, что свидетельствует об изменении тенденции 1980–90-х гг. к кооперативному и вежливому общению. Речевая модель репрезентируется в некооперативных контекстах преимущественно в прозе Ю. М. Полякова и А. Н. Варламова, что обусловлено игровой природой, тотальной иронией в произведениях первого автора и драматизмом личных судеб, исторических событий в текстах второго автора:

– *Не надо иронии! Мы не виноваты, что талантливы, – упрекнул правдоискатель* (Поляков, с. 967) ('не иронизируй'; запрет).

– *Не надо восхищаться нашим языком, нашими песнями, стихами и нашей культурой*⁷ (Варламов, с. 440) ('не восхищайтесь'; отказ).

В творчестве В. С. Токаревой употребительность интенции совета предопределяется общим прагматическим фоном доброжелательности и соучастия. Так, героини произведений помогают и сопереживают другим:

– *Вам надо уехать куда-нибудь, – сказала домработница Тане. – Сменить обстановку. Поменять картинку перед глазами...* (Токарева, с. 242) ('поезжайте, смените обстановку'; совет).

Т. В. Ларина указывает на то, что совет воспринимается русскими людьми не как бестактность, а как форма проявления заботы [6]. В то же время советы персонажей В. С. Токаревой довольно категоричны, импозитивны, в них акцентируется приоритет говорящего:

За завтраком она торжественно объявила:

– *Олег! Я знаю, что ты должен сделать. Ты должен пойти в милицию и заявить на твоих бандитов* (Токарева, с. 52) ('пойди'; категоричный совет).

В ряде контекстов соучастие принимает гипертрофированные формы и выражается в советах, которые находятся на грани с требованиями:

– *Надо иметь женскую гордость!* – *Полина грохнула кулаком по столу.*

– *Надо иметь семью, – вмешалась я* (Токарева, с. 766) ('имей гордость'; совет-требование).

Частотность употребления писателями речевой модели «конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*» различается. В произведениях В. С. Токаревой модель использовалась 10 раз. В текстах В. Н. Варламова, З. Прилепина и Ю. М. Полякова выявлено 29, 33 и 35 единиц с анализируемыми конструкциями.

Проза 2000–2025 гг., по сравнению с произведениями 1950–90-х гг., характеризуется уменьшением количества митигативных стратегий коммуникации, повышением степени категоричности высказываний. В меньшей степени отмечено стремление языковой личности к вежливости и кооперации. Вместе с тем не так явно, как в советский период, выражена унификация речевых форм, непрямая коммуникация в меньшей степени подвержена влиянию мировоззренческих векторов, ценностных приоритетов. Идиостиль писателя формируется в первую очередь в зависимости от его речевых, языковых, идейных, эстетических предпочтений и характеризуется подчеркнутым своеобразием коммуникативной составляющей.

Заключение

Основными факторами, влияющими на частоту употребления в художественном тексте речевой модели косвенного выражения побуждения «конструкции с лексемами *надо, нужно, должен*», а также на выбор частных побудительных значений и способов речевого оформления высказываний, являются тема произведения, идейная проблематика, разновидность поэтики, тип изображаемых языковых личностей, их социальная принадлежность, эпоха написания произведения и обусловленные ей важнейшие ценностные ориентиры, события в политической, культурной и экономической сферах жизни.

Каждый исторический период ХХ–ХХI вв. имеет свою специфику репрезентации указанной выше речевой модели. Как для прозы 1900–10-х гг., так и для произведений 1920-х гг. характерны высокая значимость фактора идиостиля и преобладание кооперативных контекстов, речевых реализаций некатегоричных интенций. В прозе 1930–40-х гг. отмечено увеличение объема речевых воплощений анализируемой модели, что связано с ключевыми ценностями эпохи, а также зафиксированы снижение роли личностного начала и повышение частотности интенции требования и категоричного варианта предложения при невыявленности средств выражения митигации. Что касается литературы 1950–70-х гг., то в деревенской

⁷Параметры ситуации: украинка-националистка высказывается о русской культуре (описана ситуация русско-украинского конфликта).

прозе актуализировались интенции предложения и совета, а в городской прозе являлась частотной интенция просьбы, что связано с ценностными ориентирами эпохи; также усилилась тенденция к снижению категоричности высказываний. В прозе 1980–90-х гг. не выявлено преобладания одного из побудительных значений, что обусловлено приоритетом демократических ценностей в обществе, отсутствием идеологических векторов. Прозе 2000–2025 гг. свойственны отсутствие унификации речевых форм, усиление роли индивидуального начала в коммуникации, повышение категоричности и снижение вежливости речевого общения.

Сокращения

Абрамов – Абрамов Ф. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. Л. : Худож. лит., 1984. 517 с. ; **Битов** – Битов А. Империя в четырех измерениях. Империя I. Аптекарский остров : роман, повесть, рассказы. СПб. : Амфора, 2008. 555 с. ; **Булгаков** – Булгаков М. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. Минск : Маст. лит., 1990. 655 с. ; **Бунин-1** – Бунин И. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1 / сост. Л. Никулин. М. : Правда, 1956. 455 с. ; **Бунин-2** – Он же. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2 / сост. Л. Никулин. М. : Правда, 1956. 419 с. ; **Варламов** – Варламов А. Одсун. Роман без границ. М. : АСТ, 2024. 536 с. ; **Вересаев** – Вересаев В. К жизни. Минск : Маст. лит., 1989. 604 с. ; **Вигдорова-1** – Вигдорова Ф. Любимая улица. М. : Астрель, 2012. 383 с. ; **Вигдорова-2** – Она же. Семейное счастье. М. : Дет. лит., 2021. 270 с. ; **Горький** – Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. Л. : Худож. лит., 1974. 549 с. ; **Грин** – Грин А. С. Алые паруса. Минск : Юнацтва, 1988. 287 с. ; **Довлатов** – Довлатов С. Заповедник и другие истории : повести, рассказы. СПб. : Азбука-Аттикус, 2013. 544 с. ; **Зайцев** – Зайцев Б. К. Странное путешествие. М. : Панорама, 1996. 574 с. ; **Куприн** – Куприн А. И. Поединок. М. : Эксмо, 2012. 254 с. ; **Маканин-1** – Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени // Знамя. 1998. № 1. С. 5–107 ; **Маканин-2** – Он же. Андеграунд, или Герой нашего времени // Там же. № 4. С. 53–117 ; **Маканин-3** – Он же. Кавказский пленный. М. : Панорама, 1997. 480 с. ; **Набоков-1** – Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 / сост. В. Ерофеев. М. : Правда, 1990. 415 с. ; **Набоков-2** – Он же. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 / сост. В. Ерофеев. М. : Правда, 1990. 446 с. ; **Островский** – Островский Н. Как закалялась сталь. Рожденные бурей. М. : Правда, 1987. 575 с. ; **Поляков** – Поляков Ю. Гипсовый трубач. М. : АСТ, 2022. 1086 с. ; **Прилепин** – Прилепин З. Восьмерка : рассказы. М. : АСТ, 2022. 304 с. ; **Распутин** – Распутин В. Г. Повести, рассказы : в 2 т. Т. 2 / сост. В. Н. Ганичева. М. : Дрофа, 2004. 400 с. ; **Тендряков** – Тендряков В. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5 / сост. Н. Асмолова-Тендрякова. М. : Худож. лит., 1989. 782 с. ; **Токарева** – Токарева В. Странности любви, или Хозяева и слуги. СПб. : Азбука, 2023. 958 с. ; **Трифонов** – Трифонов Ю. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1978. 572 с. ; **Фадеев** – Фадеев А. Молодая гвардия. М. : ДОСААФ СССР, 1983. 672 с. ; **Федин** – Федин К. Санаторий Арктур. М. : Худож. лит., 1983. 242 с. ; **Шмелев** – Шмелев И. С. Повести и рассказы. М. : Худож. лит., 1966. 366 с. ; **Шолохов** – Шолохов М. А. Поднятая целина. Судьба человека. М. : Худож. лит., 1978. 653 с.

Библиографические ссылки

1. Дементьев ВВ. *Непрямая коммуникация*. Москва: Гнозис; 2006. 374 с.
2. Макаров МЛ. *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис; 2003. 280 с.
3. Формановская НИ. *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*. Москва: Институт русского языка имени А. С. Пушкина; 1998. 291 с.
4. Печникова НА. «Можно начинать» (побуждение в повествовательном предложении). *Русская речь*. 2009;5:65–68. EDN: LDTVMX.
5. Печникова НА. Выражение личной потребности и коммуникативная установка побуждения к действию. В: Илюхина НА, редактор. *Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах. Материалы Международной научной конференции; 12–14 мая 2011 г.; Самара, Россия*. Самара: Универс групп; 2011. с. 227–229. EDN: WYSQHR.
6. Ларина ТВ. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2009. 507 с.
7. Голанова ЕИ. Активные процессы в сфере публичного общения. В: Крысин ЛП, редактор. *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI вв.* Москва: Языки славянских культур; 2008. с. 415–494. EDN: REOYJB.
8. Хорохордина ОВ. К сопоставительному анализу русских дидактических речевых жанров: назидание, поучение, наставление, наказ, завет. В: Общество преподавателей русского языка и литературы. *Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ; 4–8 октября 2016 г.; Казань, Россия*. Казань: Общество преподавателей русского языка и литературы; 2016. с. 533–539. EDN: XXDIHZ.
9. Михальчук НА. Косвенные реализации интенции побуждения в художественном тексте: диахронический аспект. В: Ровдо ИС, редактор. *Русский язык: система и функционирование. Материалы X Международной научной конференции, посвященной 85-летию филологического факультета БГУ; 22–23 октября 2024 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2025. с. 147–152.

Статья поступила в редколлегию 01.10.2025.
Received by editorial board 01.10.2025.